

Story

ЭДДИ ДЕ ВИНД

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА ОСВЕНЦИМ

реальная история о силе духа и о том,
что помогает выжить, когда надежды
совсем нет

Выбирая жизнь. Книги о силе духа

Эдди де Винд

**Последняя остановка Освенцим.
Реальная история о силе духа
и о том, что помогает выжить,
когда надежды совсем нет**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-94(492)
ББК 84(4Нид)-44

де Винд Э.

Последняя остановка Освенцим. Реальная история о силе духа и о том, что помогает выжить, когда надежды совсем нет / Э. де Винд — «Эксмо», 2020 — (Выбирая жизнь. Книги о силе духа)

ISBN 978-5-04-189143-5

В 1943 году, в разгар немецкой оккупации Голландии, нацисты забрали мать Эдди де Винда в пересыльный лагерь для евреев в Вестер-борке. Чтобы спасти ее, он добровольно отправился туда и в обмен на ее освобождение согласился работать в лагере врачом. Но спасти мать Эдди не успел: ее уже депортировали в Освенцим, а через год Эдди и сам оказался там вместе с молодой женой Фридель. В концлагере их разделили: Эдди был вынужден работать фельдшером в одном из мужских бараков, Фридель оказалась в женском блоке, где проводили варварские медицинские эксперименты печально известные врачи Йозеф Менгеле и Карл Клауберг. Подходить к женскому барaku и разговаривать с ее обитательницами было строжайше запрещено. За нарушение — расстрел. Но Эдди это не смогло остановить — страх потерять Фридель был сильнее страха смерти. Мемуары де Винда — это не только свидетельство о преступлении против человечества, это рассказ о силе духа и о том, что спасает человека, когда надежды совсем нет. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(492)
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-04-189143-5

© де Винд Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эдди де Винд

Последняя остановка Освенцим

Реальная история о силе духа и о том, что помогает выжить, когда надежды совсем нет

Eddy de Wind

Last Stop Auschwitz: The Story of My Survival

Copyright © Eddy de Wind 2020

Published by arrangement with Sebes & Bisseling Literary Agency and Banke,

Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Гривнина И., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Эдди и Фридель в день своей свадьбы в Вестерборке, май 1943 года. Их окружают коллеги, друзья и известные узники лагеря.

В 1943 году еврейский врач Эдди де Винд последовал на работу в Вестерборк, транзитный лагерь для евреев на востоке Нидерландов. Из Вестерборка заключенных отправляли в концентрационные лагеря – Освенцим¹ и Берген-Бельзен.

Эдди сказали, что его мать будет освобождена в обмен на его работу. Но на самом деле ее уже отправили в Освенцим. В Вестерборке Эдди познакомился с молодой еврейской медсестрой по имени Фридель. Они полюбили друг друга и поженились в лагере.

¹ Или Аушвиц (нем. Auschwitz).

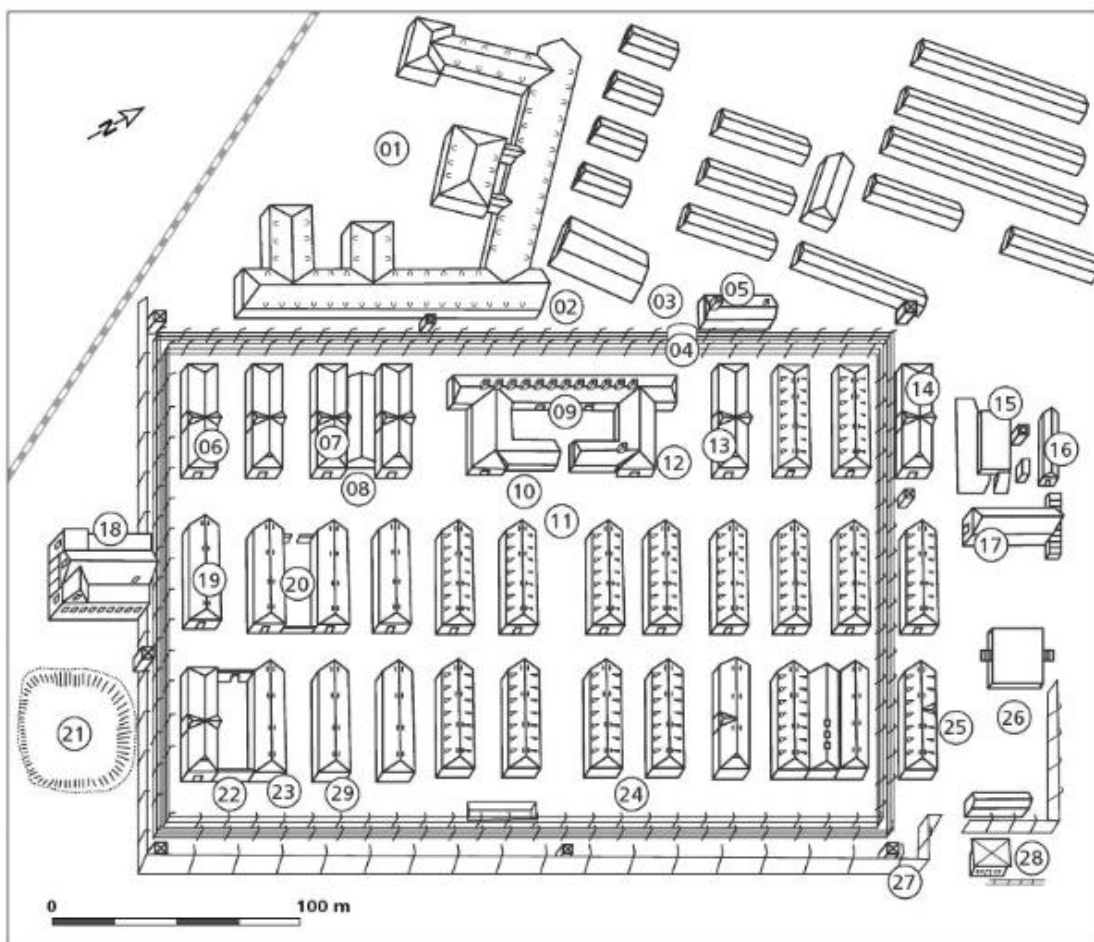
В 1943 году их тоже отправили в Освенцим и разделили: Эдди оказался в девятом бараке, как часть медицинского персонала, Фридель в десятом бараке, где проводили стерилизацию и другие варварские медицинские эксперименты печально известные Йозеф Менгеле и гинеколог Карл Клауберг.

И Эдди, и Фридель удалось выжить. Когда русские подошли к Освенциму осенью 1944 года, нацисты попытались замести свои следы – уничтожить все свидетельства зверств концентрационного лагеря. Они бежали, увозя своих многочисленных пленных в Германию. Фридель оказалась в их числе.

Эдди спрятался и остался в лагере. Пройдут месяцы, прежде чем война закончится. Он присоединился к русским освободителям. Днем Эдди лечил выживших, которых оставляли нацисты, а также русских солдат. По ночам с бешеной энергией писал свои дневники о пребывании в лагере смерти – в Освенциме.

В своем травмированном состоянии Эдди создал персонажа – Ханса, который рассказал историю его жизни. Пережитый ужас все еще был настолько острым, что он не мог найти слов, чтобы описать его от первого лица.

Это история Эдди.

Пояснения к плану лагеря Освенцим-I (Шталаг²)

² Общее название для «базовых» лагерей военнопленных в Германии во время Второй мировой войны.

- 1 Регистратура вновь поступивших арестантов.
- 2 «Львиная дорога».
- 3 Запасы гравия (I).
- 4 Ворота в лагерь («*Arbeit macht frei*»).
- 5 Помещение, где жил комендант.
- 6 Двадцать восьмой барак — госпиталь.
- 7 Двадцать шестой барак.
- 8 Склад вещей, изъятых у арестантов при поступлении в лагерь.
- 9 Арестантская кухня.
- 10 Виселица.
- 11 Аппельплац.
- 12 Лагерный оркестр.
- 13 Двадцать четвертый барак (сдвоенный) — лагерный бордель.
- 14 Госпиталь для эсэсовцев.
- 15 Крематорий.
- 16 Гестапо: следственный отдел.
- 17 Гестапо: секретариат, регистратура и администрация крематория.
- 18 Театр, склад товаров.
- 19 Прачечная для эсэсовцев.
- 20 Двор между Двадцатым и Двадцать первым бараками.
- 21 Запасы гравия (II).
- 22 Одиннадцатый барак: лагерная тюрьма и место расстрелов: «стена смерти».
- 23 Десятый барак: здесь проводились медицинские эксперименты, в основном — над женщинами.
- 24 Березовая аллея.
- 25 Штаб-квартира лагерного начальства (комендатура).
- 26 Бомбоубежище.
- 27 Бетонная стена.
- 28 Вилла, где жил Рудольф Хесс, комендант лагеря, со своей семьей.
- 29 Девятый барак.

Глава 1

Далеко ли от нас до подернутых туманной дымкой синих гор? А до той равнины слева, озаренной лучами весеннего солнца? Если идти пешком, то добраться до них можно было бы примерно за день. А вот доскакать на лошади можно и за час. Но все, что я вижу сейчас из окна, от нас намного дальше, невообразимо далеко. И эти горы, и та равнина находятся в другом, недоступном нам мире, потому что нас отделяет от них колючая проволока.

Страстные желания и мечты, заставляющие наши сердца биться все сильнее и все быстрее гнать кровь по жилам, лишены всякого смысла. Между нами и равниной натянута колючая проволока. Целых два ряда колючей проволоки, над которыми светятся развешанные вдоль нее красные лампочки – словно печать смерти, ожидающей нас, всех нас, запертых здесь, на огромной квадратной площадке, окруженной высокой белой стеной и двумя рядами колючей проволоки, к которой подведен ток высокого напряжения.

Все время, день и ночь, один и тот же вид, все время – одни и те же ощущения. Мы стояли перед окнами бараков, мы смотрели на далекие, недоступные горы и задыхались от бессилия.

Расстояние между нами – десять метров. Я высовываюсь из окна, перегнувшись через подоконник, словно хочу полюбоваться недоступной свободой. А бедняжка Фридель не может сделать даже этого: в ее бараке царит самый строгий лагерный режим. И если я все-таки могу свободно ходить хотя бы по территории нашего лагеря, то Фридель даже это «удовольствие» недоступно.

Я живу в Девятом бараке, где находится одно из отделений госпиталя для арестантов. А Фридель – в Десятом бараке. У них, в Десятом бараке, тоже лежат больные, но совсем не такие, как в нашем. У нас лежат те, кто заболел из-за жестокого обращения, голода и непосильной работы. Собственно, их болезни вызваны естественными причинами и соответствуют установленному диагнозу.

А Десятый барак называется экспериментальным. Там находятся женщины, над которыми врачи издеваются так, как никто и никогда не издевался над главным и самым прекрасным предназначением женщин: их женской сущностью, их возможностью стать матерью.

На долю этих женщин выпали такие жуткие мучения, что, попав в подобную ситуацию, даже одержимая страстью к мазохизму девушка покончила бы с собой, не вынеся подобных издевательств. Однако в Десятом бараке нет места необузданным желаниям. Здесь сосредоточено то, что составляет высшее проявление мании величия *Übermensch*³, основанное вдобавок на некотором материальном интересе.

Мы помнили обо всем этом, когда смотрели на равнины Южной Польши, и как же нам хотелось вырваться из-за ограды, убежать в луга и леса, затаиться там и никогда больше не смотреть поверх забора на отроги Северных Карпат.

Но мы знали и еще кое-что. Мы знали, что всем нам уготована одна судьба и единственный способ выйти отсюда на свободу – смерть.

Мы знали: смерть в лагере может выглядеть по-разному. Иногда она является как честный боец, с которым могут сразиться доктора. И хотя у такой смерти есть могущественные союзники – голод, холод и вши, – она все-таки остается естественной и ее можно считать почти нормальной.

³ «Арийцы». Человек высшего сорта, супермен (теперь используется иронически, отсылая к фантазиям нации о суперарийцах). – *Здесь и далее прим. пер. и ред.*

Но с нами этого не случится. К нам придет другая смерть, та, которой уже умерли миллионы прошедших прежде нас через этот лагерь.

Эта смерть придет к нам тихо и незаметно, почти без запаха.

Мы всегда помнили: смерть постоянно присутствует среди нас, только скрытая, словно под шапкой-невидимкой, и потому незримая. Мы знали даже, что она носит военную форму, потому что у газового крана сидит человек... то есть нет, не человек, конечно, а – эсэсовец.

Вот почему мы так жадно глядели на голубые, недоступные для нас горы, всего в тридцати пяти километрах отсюда.

Вот почему я высовывался из окна и смотрел на Десятый барак, где у окна стояла она.

Вот почему она изо всех сил сжимала пальцами занавески, закрывающие окно.

Вот почему она прижималась лбом к оконному стеклу, ведь ее желание увидеть меня было так же неисполнимо, как и наше общее желание добраться однажды до далеких голубых гор.

Глава 2

Молодая травка уже пробивалась сквозь землю, коричневые почки лопались, выпуская клейкие листочки, и ласковые лучи весеннего солнца становились все жарче с каждым днем, пробуждая природу к новой жизни. Но ледяное дыхание смерти чувствовалось по всей земле. Шла весна 1943 года.

Немцы глубоко завязли в снегах России, но чем все это может кончиться, было пока что непонятно.

Да и союзники, похоже, тоже не собирались высаживаться на наши берега. А насилие, терзавшее Европу, становилось все свирепее и непереносимее.

Завоеватели забавлялись, играя с евреями, словно сытая кошка с мышью. Ночь за ночью по улицам Амстердама проносились грузовики и мотоциклы, грохот тяжелых подкованных сапог разносился над водой, нарушая покой еще недавно мирных каналов.

Всех свозили в *Westerbork*⁴, где пойманных мышей оставляли на время в покое. Им позволялось свободно передвигаться по территории лагеря, получать посылки от семьи и друзей. И все они посылали в Амстердам бодрые письма, в которых писали: «Знаете ли, со мной все в порядке», и этим, сами того не понимая, стимулировали тех, кто еще оставался в городе, пойти и сдаться силам *Grüne Polizei*⁵.

Пребывание в Вестерборке давало евреям иллюзию, что, должно быть, все еще наладится, и хотя они пока что не являются частью общества, но со временем, когда закончится война, их изоляция тоже должна закончиться, и они вернутся домой.

Обитатели Вестерборка даже песенку сочинили:

*Вот война закончится,
И мы домой вернемся...*

Самым ужасным было не то, что они даже представить себе не могли свою дальнейшую судьбу. Самым ужасным было то, что находились смельчаки, а может быть, просто слепцы, которые пытались начать здесь новую жизнь, более того – создать новую семью. Каждый день в лагерь являлся доктор Молхаузен, представитель бургомистра Вестерборка, и в одно прекрасное утро (то был один из девяти погожих апрельских дней) Ханс и Фридель предстали перед ним. Оба были юными идеалистами; ему было двадцать семь, и он служил в лагере врачом, а ей было восемнадцать. Они познакомились в отведенном под госпиталь помещении, где он практиковал, а она работала медсестрой.

*Каждый, кто один, – ничто,
только вместе мы – одно —*

продекламировал он ей стишок, который в точности выразил их общие чувства. Они готовились пройти свой путь вместе. Может быть, удача будет сопутствовать влюбленным и им удастся задержаться в Вестерборке до конца войны. А если не удастся, то они запросто смогут

⁴ В е с т е р б о р к – транзитный лагерь, созданный голландскими властями для евреев-беженцев из Германии и оккупированных Гитлером стран в 10 км к северу от города Вестерборк. После оккупации Голландии немцами Вестерборк стал транзитным лагерем, где размещались евреи для последующей отправки в дальние концлагеря на востоке.

⁵ *Grüne Polizei* (*Ordnungspolizei*) – полиция, следившая за порядком в Третьем рейхе, ее называли *grüne* – зеленой – из-за цвета их формы; они поддерживали порядок на улице, занимались безопасностью дорожного движения, незначительными происшествиями вроде драк и мелких краж; все более серьезное находилось под контролем уголовной полиции и гестапо.

по дороге соскочить с поезда и присоединиться к Польской освободительной армии. Потому что, хотя до конца войны было все еще далеко, в победу немцев не верил никто.

Они прожили вместе целых полгода в комнате, а вернее – выгородке, полагавшейся доктору и отделенной от остального барака, населенного сотней с лишним женщин, фанерной стенкой с дверью. Впрочем, и здесь они были не совсем одни, потому что в том же помещении квартировал еще один доктор; а позже им пришлось делить помещение еще с двумя супружескими парами. На самом деле, не вполне годное для начала совместной жизни жилище. Но все эти проблемы казались мелочами, их вообще можно было бы не замечать, если бы каждую неделю не отправлялись поезда: каждый вторник, с утра, поезд увозил очередную тысячу человек.

Мужчины и женщины, старые и молодые, включая младенцев и тяжелобольных. Совсем немногих больных Хансу и другим докторам удавалось отстоять, указывая на то, что они находятся в таком состоянии, что не перенесут трехдневного путешествия в поезде. В конце концов очередь дошла и до привилегированных: крещеных; тех, у кого имелись голландские мужья или жены; тех, кто сидел давно, то есть жил в этом лагере еще с 1938 года, и тех, кто принадлежал к обслуживанию лагеря, таких как Ханс и Фридель. Наконец настал день, вернее – ночь с 12 на 13 сентября 1943 года, когда кто-то из служащих *Joodsche Raad*⁶ явился к Хансу и Фридель и сообщил, что им пора собираться: они отправляются завтрашним поездом. Ханс быстро оделся и пробежался по всем чиновникам, которые накануне целую ночь старательно формировали списки на еженедельную депортацию. Доктор Спаниер, начальник госпиталя, был безумно зол. Ханс находился в лагере целый год. Он работал старательно, в то время как многие из врачей, которые прибыли после него, относились к своим обязанностям спустя рукава. Но когда Еврейский Совет занес имя Ханса в свои списки, он фигурировал там как врач, то есть принадлежал к персоналу лагеря, и уж если Совет его не отмазал, то госпиталь и подавно ничего не сможет сделать.

Вот почему в восемь утра они стояли со всем своим барахлом, ожидая поезда, который подходил к лагерному перрону. Он был переполнен. Служба порядка и Летучий отряд заносили багаж в поезд, два вагона которого были полностью загружены запасами продуктов. Больничные санитары притащили на носилках пациентов, в основном стариков, которые не могли сами ходить. Но их нельзя было оставить в больнице, как прежде, потому что неизвестно, сколько на будущей неделе останется в больнице тех, кто сможет за ними ухаживать. Те, кто оставался, стояли на некотором расстоянии от поезда и рыдали громче, чем те, кто уезжал. В начале и в конце поезда было прицеплено по вагону с эсэсовской охраной, которая пока что вела себя

⁶ Еврейский Совет был создан в Голландии (как и в других оккупированных странах), как только немцы вошли в страну. Оккупационные власти собрали всех местных раввинов и каким-то образом уговорили их создать «специальное учреждение», которое посредничало бы между еврейским населением и оккупационными властями. Им предложили составить списки евреев и уверили в том, что немцы хотят просто «изолировать» евреев, а их жизням ничего не угрожает. Прямо в Голландии был создан небольшой и даже уютный лагерь Вестерборк, где евреи жили довольно свободно, в приличных условиях и получали регулярно посылки от родных и знакомых. И долгое время никто из евреев (включая, по-видимому, и членов Еврейского Совета) не понимал, что рано или поздно все это закончится Освенцимом, газовыми камерами и крематорием.

весьма прилично, они даже подбадривали людей, потому что голландцам вовсе не обязательно было понимать, как на самом деле будут обращаться с «их»⁷ евреями там, куда их везут.

В половине одиннадцатого поезд тронулся. Двери вагонов с вещами были заперты на замки снаружи. Последнее «прости», последний взмах руки, просунутой сквозь решетку окошка в стене вагона, и они двинулись в сторону Польши, навстречу неизвестности.

Ханс и Фридель были несколько возбуждены. Они попали в один вагон с совсем молодыми людьми. Здесь оказались даже друзья Фридель по сионистскому кружку, который она посещала. Веселые, дружелюбные и вежливые ребята. Их было тридцать восемь человек на целый вагон, то есть сравнительно немного, так что, повесив багаж на стены, они легко разместились на полу.

Жизнь налаживалась. Но на первой же остановке эсэсовцы прошли по вагонам. Сперва они отобрали у всех сигареты и часы. Потом настала очередь авторучек и драгоценностей. Мальчишки, хохоча, отдавали им по несколько сигарет и клялись, что больше у них нет. Многие из них оказались недавними беженцами из Германии, им уже приходилось иметь дело с эсэсовцами. И если однажды им удалось сбежать от этих затянутых в черное балбесов без потерь, то теперь они и вовсе не собирались позволять им над собой издеваться.

За трое суток путешествия они не только не получили ни крошки еды, но и не видели больше никого из obsługi поезда. Вот как раз это волновало их меньше всего: они насмотрелись на эти рожи еще в Вестерборке. Иногда кого-то из них выпускали, чтобы вынести и опорожнить переполненные бочки, служившие им сортирами. Они радовались, когда, проезжая по Германии, видели разбомбленные города. Но, кроме этого, ничего нового по дороге им не попадалось. На третий день они добрались до цели своего путешествия – городка Освенцим. Это название было для них просто словом, лишенным какого-либо содержания: ничего хорошего и ничего плохого.

Ночью поезд затормозил, чуть-чуть не доехав до ворот лагеря.

⁷ Про голландцев и «их» евреев – см. Послесловие.

Глава 3

Поезд стоял без движения очень долго, и они места себе не находили от нетерпения. Им хотелось, чтобы бесконечное ожидание кончилось, неважно чем; им хотелось наконец увидеть, что же из себя представляет этот самый Освенцим.

И вот – свершилось.

С рассветом поезд в последний раз тронулся с места, чтобы остановиться всего через несколько минут среди равнины у длинной насыпи. Вдоль насыпи стояли группы по десять-двенадцать человек, все они были одеты в странные сине-белые полосатые костюмы и такие же чудные шапочки. Множество эсэсовцев с озабоченным видом прогуливались вдоль насыпи. Едва поезд остановился, люди в чудных костюмах ринулись к вагонам, открыли двери и заорали:

– Выбросить багаж наружу, всем выйти и встать у вагона!

Это напугало их, только теперь они осознали, что потеряли абсолютно все. Все стали лихорадочно копаться в вещах, пытаясь найти то, что совершенно необходимо сохранить. Однако полосатые уже влетели в вагоны и принялись выбрасывать людей и багаж наружу. В один миг они оказались перед вагонами, совершенно ошалевшие. Но длилось это состояние недолго. Эсэсовцы, налетевшие со всех сторон, теснили их к дороге, шедшей параллельно путям. Замешкавшихся они подталкивали или хлестали своими стеками, так что всякий старался как можно скорее встать в строй, который они формировали.

Теперь Ханс понял: они разводят в разные стороны мужчин и женщин, их отделяют друг от друга; он торопливо поцеловал Фридель – «увидимся», – и ее оттолкнули в сторону. Перед рядами остановился офицер со стеклом, и они медленно двинулись мимо него. Офицер быстро оглядывал каждого и указывал стеклом: «Налево... направо...» Налево он отправлял стариков, инвалидов и тех, кто был моложе восемнадцати. Направо – тех, которые выглядели молодыми и здоровыми.

Подошла очередь Ханса, но он не заметил, что стоит против офицера. Он смотрел на Фридель, которая стояла совсем близко, ожидая с другими женщинами, когда наступит их очередь. Она улыбнулась ему, словно желая сказать: успокойся, все будет хорошо.

Поэтому он не услышал, когда офицер – это был доктор – спросил, сколько ему лет. И, не получив ответа, разозлился и так сильно ударил Ханса стеклом, что он разом отлетел налево.

Теперь Ханс оказался среди ни к чему не пригодной публики: стариков, слепых (один из которых стоял слева от него) и дефективных. Ханс закусил губу, чтобы не заорать от страха. Он не собирался разделять судьбу с детьми и стариками, потому что понимал: только молодые и сильные имеют шанс выжить в этом лагере. Но перейти в другой ряд было невозможно, потому что везде дежурили эсэсовцы с оружием на изготовку.

Фридель попала к молодым женщинам. Старух и женщин с детьми отправили в другой ряд. Так они сформировали четыре ряда: сотни полторы молодых женщин и примерно столько же молодых мужчин, а остальные семьсот человек – тоже в два ряда, но в стороне от дороги.

Вдруг к ним подошел доктор в форме СС и спросил стариков, есть ли среди них врачи. Четверо шагнули вперед. Офицер ткнул пальцем в одного старика, ван дер Кауса, врача из Амстердама:

– Чем болели ваши пациенты в лагере, из которого вас привезли?

Ван дер Каус, запинаясь, стал бормотать что-то о глазных болезнях. Офицер раздраженно отвернулся от него.

И тут Ханс понял, что нельзя терять ни секунды:

– Вы, вероятно, имели в виду наличие заразных болезней; у нас было несколько случаев скарлатины, но они не имели серьезных последствий.

– Были ли случаи тифа?

– Нет, ни разу.

– Хорошо, все возвращайтесь в строй, – сказал офицер и, повернувшись к адъютанту, добавил: – Этого мы, пожалуй, заберем себе.

Адъютант кивнул Хансу, отвел его в ряд молодых мужчин, и Ханс почувствовал, что избежал смертельной опасности. И в самом деле: почти сразу подъехали грузовики, и в них стали грузить стариков и женщин.

Вот тут, наконец, он впервые увидел, как на самом деле выглядят эсэсовцы «за работой». Они толкали, пинали и били людей. Многим было трудно забираться в высокие кузова грузовиков. Но эсэсовцы работали своими стеками старательно, без устали.

Одну пожилую женщину ударили палкой по голове, и кровь потекла ручьем. Несколько человек не могли сами забраться в кузов и оставались на земле, но тех, кто пытался подойти к ним, чтобы помочь, отгоняли тычками и угрозами.

Один из грузовиков сдал назад, два эсэсовца подхватили последнего из несчастных, который не смог забраться в кузов, и просто забросили его туда. После чего двинулась вперед шеренга женщин. Он не мог больше видеть Фридель, но знал, что и она находится в этой шеренге. Женщины прошли метров на двести вперед, и тогда мужчинам наконец позволили тронуться в путь.

Шеренги охранялись особенно строго. С обеих сторон их сопровождали штурмовики, державшие оружие на изготовку. На десяток арестантов приходился один охранник. Ханс шел последним. Он видел, как охранники слева и справа от него подавали друг другу сигналы. Один из них, озираясь, подошел слева и потребовал, чтобы Ханс отдал ему часы. Это были хорошие часы с секундомером. Хансу подарила их мама, когда он сдал экзамены в университете.

– Часы нужны мне для работы, я врач, – сказал Ханс.

Охранник осклабился:

– Какой ты врач, засранец! Ты – хуже собаки! Давай сюда часы!

Он схватил Ханса за руку и попытался снять часы. Секунду Ханс пробовал защищаться.

– Ага, попытка к бегству, – радостно констатировал охранник, передергивая затвор.

Только теперь Ханс понял, насколько он бесправен. Чего ему вовсе не хотелось, так это в свой первый день в Освенциме оказаться застреленным «при попытке к бегству». И он отдал часы охраннику.

Они пересекли железнодорожные пути, и тут на повороте Ханс увидел Фридель. Она помахала ему рукой, и он вздохнул с облегчением. Сразу за железной дорогой они миновали шлагбаум, возле которого стояла охрана. Похоже, они наконец вступили на территорию лагеря. Там оказались склады, полные стройматериалов; за ними – навесы, под которыми лежали толстые бревна и кирпичи. Между складами по рельсам сновали дрезины, приводимые в движение

ручной тягой. Огромные *rollwagen*⁸ тащили мужчины, впряженные в специальные шлеи. Там и сям вдоль дороги стояли высокие здания; очевидно, это были фабрики, потому что из них доносился шум моторов. И снова – дерево, камни и навесы. Кругом кипела стройка. В стороне от дороги кран поднимал огромные емкости с цементом. Но кранов и дрезин было немного. Везде сустились люди в отвратительных полосатых робах. Здесь почти не было механизмов, в это строительство был вложен труд многих тысяч, нет, многих десятков тысяч рук.

Использовать паровые машины удобно, хотя электричество более эффективно, ведь его можно вырабатывать за сотни километров от места применения и передавать по проводам; бензиновый двигатель позволяет развивать более высокую скорость, чем паровоз, и перевозить более тяжелые грузы. Но бесправные люди, рабы, – дешевле. Вот эти полуобнаженные тени с голодными глазами, с ребрами, торчащими, словно канаты, как бы связывавшие их тела, не давая им развалиться на части. Длинные шеренги людей в деревянных башмаках на босу ногу шли куда-то и несли камни. Они брели, бессмысленно уставясь перед собой, не глядя ни на что вокруг, похожие, словно ужасные близнецы. Никто даже не повернул головы, чтобы взглянуть на вновь прибывших. Время от времени позади них медленно проезжал трактор с тархтевшим дизельным мотором. И звук этого мотора напомнил Хансу о вечерах, которые он проводил на воде, лежа на дне своей яхты, когда мимо нее проплывали суда, тархтя дизельными моторами.

Невозможно поверить, что когда-то он жил по-другому! Он постарался собраться. Он чувствовал, что не должен волноваться, что надо подготовиться к сражению. Может статься, ему удастся когда-нибудь вернуться в свою прежнюю жизнь.

Они стояли перед воротами и в первый раз оглядывали лагерь. Перед ними выстроились ряды больших каменных зданий, напоминающих казармы. Двадцать пять двухэтажных зданий со слуховыми окнами на крышах. Между зданиями располагались ухоженные *Lagerstrassen*⁹. С тротуарами, аккуратно выложенными плиткой, и небольшими газонами. Все было свежее, крашенным и сверкало чистотой в лучах осеннего солнца.

Это была центральная усадьба; лагерь для тысяч арестантов, занятых большой, полезной работой. Над воротами красовался отлитый из чугуна девиз лагеря:

«*ARBEIT MACHT FREI*»¹⁰.

Намек, который должен был успокаивать многих и многих, вступавших в эти ворота. И в эти, и в похожие ворота, расположенные в разных областях Германии.

На самом же деле надпись была всего лишь иллюзией, поскольку ворота были не чем иным, как воротами в ад, и вместо «*Arbeit macht frei*» правильнее было бы написать над ними:

«Оставь надежду всяк сюда входящий».

Потому что лагерь окружала проволочная изгородь, по которой был пропущен ток высокого напряжения. Два ряда белоснежных бетонных мачт высотой в три метра каждая. К ним

⁸ Рольваген – телега, в которую впряжены люди.

⁹ Лагерьштрассе (сленг, название «улиц» в лагере).

¹⁰ Труд делает свободным (Труд освобождает).

на изоляторах крепилась колючая проволока. Очень крепкая проволока, ее не оборвешь и не перекусишь. А вдобавок – то, чего мы не видим и что страшнее всего: по проволоке пропущен ток высокого напряжения, 3000 вольт! Тут и там над проволокой горят маленькие красные лампочки, показывающие, что напряжение включено. И через каждые десять метров висят дощечки с черепом и надписями по-немецки и по-польски: *Halt, Stój*¹¹.

Но заборов недостаточно, если они не подкреплены силой оружия. Вот почему через каждые сто метров находились вышки, на которых дежурили эсэсовцы с пулеметами.

Нет, сбежать отсюда невозможно, разве что – чудом. И люди, которые привели их в лагерь, сразу же стали рассказывать о том, что, едва арестанты окажутся за проволокой, охрана сразу станет слабее, потому что обычно эсэсовцы сваливали эту обязанность на таких же арестантов. Конечно, эти арестанты были не совсем такими же, как остальные, по крайней мере, выглядели они совсем не так, как те тысячи, что были заняты непосильным трудом. К примеру, они носили те же полосатые робы, но только чистые и хорошо подогнанные. Некоторые из них одевались почти элегантно, у них были черные шапочки и высокие сапоги. А на левой руке у каждого красовалась красная повязка с номером. Это были *Blockältesten*¹², которые заправляли всеми делами в своем бараке и с помощью писаря ведали снабжением и распределением еды. Сами они, конечно, от нехватки еды не страдали, и в этом можно было легко убедиться, стоило только взглянуть на их сытые рожи. Их обычно набирали из поляков либо *Reichsdeutsche*. Хотя было среди них и несколько голландцев, которых старосты барачных и эсэсовцы старались держать на расстоянии от вновь прибывших, ведь у тех могли еще оставаться какие-то ценные вещи. Тем не менее некоторым удалось подойти поближе. Они спрашивали о часах и сигаретах, напоирая на то, что сейчас их все равно обыщут и отберут все.

Но большинство пока что не верили этому и предпочитали держать свои вещички при себе. Ханс дал голландцу пачку сигарет, но эсэсовец заметил это и отвесил Хансу оплеуху. Впрочем, голландец, заметивший эсэсовца вовремя, успел смыться. Был среди голландцев и еще один парень, невысокий, но мускулистый, чистый Геркулес. Окружающие опасались его гнева.

- Что, ребята, когда из Вестерборка откинулись?
- Три дня назад.
- И какие там новости?
- Вы-то слышали насчет высадки в Италии?
- А как же, газеты читаем. Как там в Голландии без нас?

Но им хотелось бы сперва узнать, что происходит тут, в Освенциме, и чем грозит им это перемещение, а не отвечать на дурацкие вопросы.

- Кто ты такой? – спросил один из новичков.
- Лейн Сандерс, боксер. Я здесь уже целый год.
- Его ответ, казалось, успокоил новичков. Здесь, значит, можно жить.

– А многие из твоего эшелона уцелели? – спросил Ханс, который начал проникаться все большим скептицизмом.

– Здесь не стоит задавать вопросы, здесь надо смотреть и видеть, – отвечал боксер. – Слушать, смотреть и молчать.

- Но ты-то прекрасно выглядишь.

¹¹ Стой (нем., польск.).

¹² Староста барака из арестантов, следящий за порядком.

Лейн широко улыбнулся:

– Так я же боксер, ты не забыл?

– Что нас заставят здесь делать?

– Вас назначат в одну из команд, которые работают за оградой лагеря.

Ханс снова поглядел на машины, на людей, бредущих друг за другом, волоча камни и цемент, на их отрешенные лица, мертвые глаза, иссохшие тела.

– А куда отвезли стариков, которых сажали в грузовики?

– Но ты ведь слушал английское радио? – спросил Лейн.

– Конечно.

– Тогда ты и сам понимаешь.

Да, Ханс понимал. Он потерял шеренгу Фридель из виду и забеспокоился. И сразу же вспомнил о своей матери и брате, обо всех, кто был отправлен в Освенцим раньше него. О своем кабинете в Вестерборке, где он принимал больных, о том, как он изо всех сил старался им помочь. И снова подумал о Фридель и об их планах на будущее. Обычно такие мысли посещают людей, осознавших, что они стоят на пороге смерти. И все-таки пока все было неопределенно; вдруг ему повезет, всякое может случиться. Как-никак он доктор... конечно, он не смеет надеяться, но ведь без надежды нет жизни. Кроме того, не хотелось верить, что он приехал сюда умирать, хотя поверить в то, что он выживет, еще труднее.

Кто-то рявкнул в мегафон:

– *Aufgehen!*¹³

И они двинулись вперед по Лагерштрассе, между бараков, стоявших по обеим ее сторонам. Здесь ходило множество людей.

Над дверью одного из бараков были прикреплены стеклянные таблички:

Häftlingskrankenbau

Interne Abteilung

*Eintritt verboten*¹⁴

Перед дверью сидели мужчины в белых костюмах. Они выглядели очень хорошо. На спинах курток у них были нашиты красные полосы, на брюках – такие же лампасы. Это, конечно, были доктора. Они едва взглянули на проходивших мимо новичков, и тут Ханс понял, что у разных слоев «населения» лагеря отсутствие интереса к ним вызвано различными причинами. У рабочих-невольников причиной была многодневная, тяжкая усталость и глубокий упадок духа, возродить который им уже не сможет помочь даже самый лучший священник. А у этих прилично одетых людей причиной было что-то вроде высокомерия. Они были как-никак лагерной аристократией. А кто такие эти новички? Любой может оскорблять их и насмехаться над ними.

¹³ Вперед! (нем.).

¹⁴ Вход воспрещен (нем.).

Наконец их подвели к Двадцать шестому барaku. Вывеска на нем гласила: *Effektenkammer*¹⁵. Лейн объяснил, что значит это слово: здесь хранится все необходимое, одежда и другие важные для всякого *Häftling*¹⁶ вещи. Они поднялись по лестнице. Там напротив окон стояли длинные ряды бумажных пакетов. В каждом пакете лежали вещи, принадлежавшие кому-то из арестантов и хранящиеся на складе в ожидании того гипотетического дня, когда хозяина вещей освободят из лагеря. В этом случае хозяин вещей должен был получить их назад взамен лагерного тряпья.

Впрочем, их-то вещи никто не собирался сохранять: ведь евреев никогда не освобождали. Их даже не судили, не приговорили к какому-либо сроку наказания, так что невозможно было понять ни когда окончится их срок, ни по какой причине их можно будет освободить.

В проходе между Двадцать шестым и Двадцать седьмым бараками они должны были раздеться. Всю одежду, которая была на них, сложили в тележку. Себе нельзя было оставить ничего, включая ремни и даже носовые платки. Ханс попытался припрятать несколько необходимых ему медицинских инструментов, но тотчас же был разоблачен. Худой мужчина с повязкой *Lagerfriseur*¹⁷ на левом рукаве проверял всех. Те, кто пытался что-то спрятать, должны были немедленно отдать это парикмахеру и вдобавок получали подзатыльник. Ханс попросил позволить ему оставить себе инструменты. Парикмахер засмеялся и положил инструменты себе в карман.

Теперь они потеряли все и остались нагими. На самом деле этот процесс шел уже почти десять лет, то есть довольно медленно, но теперь подошла их очередь. Разве Шмидт¹⁸, куратор Раутера¹⁹ среди прочего и по еврейским делам, не сказал однажды: «Евреи должны вернуться туда, откуда они к нам пришли, такими же голодранцами, какими они пришли к нам».

Шмидту, очевидно, никто не рассказал, или он забыл о времени, когда евреи «пришли к ним»: в шестнадцатом и семнадцатом веках. И вполне возможно, он даже не знал о том, что пришли евреи вовсе не «голодранцами». Весьма часто, приезжая из тех стран, откуда их просто выжили, евреи привозили с собой крупные капиталы. Вдобавок было бы интересно узнать, не имел ли он в виду, находясь на территории Голландии, конкретно голландских евреев? Похоже на то, что он забыл о принятых в шестнадцатом веке законах Вильгельма Оранского, под охраной которых находились голландские евреи.

Впрочем, – как могли наци обращать внимание на законы, принятые человеком, само имя которого стало символом свободы Нидерландов! Никто и не ожидал уважения к чужой свободе от этих апологетов притеснения, которые не только не собирались положить свою жизнь за родину, но в большинстве своем, когда настал час расплаты, без малейшего стыда сбежали от возмездия.

Раздумывая об этом, Ханс пытался успокоиться. Конечно, у него плохо получалось, потому что будущее его, по всей видимости, не сулило ничего хорошего; вряд ли его судьба

¹⁵ Вещевой склад, где находятся вещи, изъятые у арестантов при поступлении в лагерь.

¹⁶ Арестант.

¹⁷ Лагерный парикмахер.

¹⁸ Fritz Schmidt (1903–1943) – глава Генерального комиссариата, находившегося под началом Раутера.

¹⁹ Johann Baptist Albin Rauter (1895–1949, расстрелян по приговору суда) – один из руководителей нацистского оккупационного режима в Нидерландах, обергруппенфюрер СС, генерал полиции. Руководил действиями карательных органов на территории Нидерландов в 1940–1944 гг. В этот период в концлагерь было отправлено 110 тысяч голландских евреев (после войны вернулось всего около 5 тысяч человек). Также около 300 тысяч голландцев были угнаны на работы в Германию, а их недвижимое имущество было конфисковано.

и судьба его спутников могли сильно отличаться от судеб других евреев. Разумеется, им суждено погибнуть, и, несмотря на все их попытки отсрочить предначертанный нацистами конец, общая судьба всех евреев настигнет и их. Медленно, но верно шли евреи Голландии к своему концу...

В 1940 году: запрет для евреев работать в государственных организациях.

В 1941 году: запрет на деятельность в сфере свободных профессий, запрет на пользование общественным транспортом, запрет пользоваться магазинами, ходить в театры, парки, заниматься спортом и всем остальным, что доставляет удовольствие; ограничение владения капиталом – не более 10 000 гульденов (позднее – не более 250 гульденов).

В 1942 году: начало депортации, запрет на самую жизнь.

Процесс шел очень медленно, потому что голландцы не желали мириться с тем, что «их» евреев истребляют в то время, когда террор в стране все еще не достиг своей высшей точки.

Глава 4

Они простояли в проходе между бараками несколько часов, их обнаженные тела обжигало полуденное солнце. А тем временем с ними проводили все ритуалы, положенные для вновь поступивших в лагерь арестантов.

Позади длинной скамьи поставили шестерых лагерных парикмахеров, которые обрили им не только головы, но и все волосы на теле. Ханс, пытаясь развеселить самого себя, подумал: «Вот это да! Мне даже не задали обычного парикмахерского вопроса: не желаете ли освежиться одеколоном?»

Лагерные парикмахеры вели себя довольно грубо, раздраженные тем, что им пришлось так долго работать на жаре.

Собственно, невозможно было назвать то, что они делали своими тупыми инструментами, словом «брили»: они не сбривали, а скорее выдирали волосы и вдобавок дергали, толкали, а иногда и били тех, кто недостаточно резво поворачивался, чтобы подставить им разные части своего тела. Обритые тотчас же получали бумажку с номером, который следующий за парикмахером профессионал-татуировщик набивал каждому на руке. Ханс получил номер 150822.

Он только саркастически улыбался, пока татуировщик трудился над его рукой. С доктором ван Дамом покончено, теперь он – арестант номер 150822. Интересно, сумеет ли он преодолеть, забыть такое унижение, когда снова превратится в доктора ван Дама... если, конечно, удастся дожить до этого.

Если удастся дожить... Эта мысль, словно тяжелый шар, принялась беспорядочно кататься в его мозгу. Она скрипела, словно испорченный граммофон, который уже никак не починить. Удар по спине заставил его очнуться.

Они вернулись на вещевой склад, все пятьдесят человек: оказывается, там же находилась и душевая. В огромном бетонном помещении из потолка торчало множество леек. Он оказался с тремя другими под одной из них. Вода текла медленно и была слишком холодной, чтобы смыть пот и пыль, скопившиеся за трое суток путешествия, и все-таки чересчур теплой для того, чтобы освежиться в такую жару. После душа явился некто в резиновых перчатках и облил всем воницей дезинфицирующей дрянью подмышки и половые органы.

Они сразу почувствовали боль в тех местах, где бритвы парикмахеров, сорвавшись, ободрали кожу, но, по крайней мере, теперь можно было не бояться вшей и блох.

Гораздо сложнее оказался следующий этап: надо было отыскать в высоких стопках такую одежду, которая более или менее подходила по размеру. Они вошли с яркого солнца в *Bekleidungskammer*²⁰ (так назывался Двадцать седьмой барак, где держали одежду для арестантов), и им показалось, что там слишком темно и невозможно понять, что же надо выбрать. Их со всех сторон подталкивали, на них орали, и если кто-то недостаточно быстро шевелился, его колотили до тех пор, пока он не выхватывал из кучи первую попавшуюся одежду. В набор входили рубашка, полотняные штаны с курткой, шапочка и пара деревянных башмаков или сандалий. Найти одежду подходящего размера в такой ситуации было, конечно, невозможно, так что в конце концов все они оказались похожи на клоунов в дурацких костюмах.

²⁰ Склад одежды для арестантов.

У одного брюки доходили до колен, другой вообще не мог ходить, потому что наступал на собственные штанины, третьему были коротки рукава куртки, а четвертому пришлось их подворачивать. Но вся эта одежда обладала одним общим свойством: она была грязной и оборванной. И сшита из ткани в синюю и белую полоску.

Глава 5

Одевшись, все выстроились перед бараком. День клонился к вечеру, но жара позднего лета все еще тяжким облаком висела над лагерем. Они были голодны и хотели пить, но ни у кого не хватало мужества спросить, когда их накормят.

Они проторчали целый час в ожидании на Березовой аллее, той Лагерштрассе, которая проходила позади всего ряда бараков. Некоторые сидели на тротуарах и на стоявших вдоль газонов скамейках, другие просто лежали посреди улицы, сраженные не столько усталостью, сколько жуткими несчастьями, которые на них свалились.

Наконец на улицу выставили столы, чтобы зарегистрировать вновь прибывших. Им пришлось сообщить все сведения о себе: профессию, возраст и другие подробности, а также уведомить о наличии заразных заболеваний: венерических или туберкулеза. Затем подошла очередь самого главного вопроса, касавшегося подробных сведений о национальной принадлежности и числе еврейских дедов и бабушек.

После чего Ханс уселся рядом с коллегой, Эли Полаком, и они разговорились. Эли был абсолютно сломлен. В последний раз он видел свою жену, когда к поезду подъехали грузовики. Она потеряла сознание, и ее вместе с ребенком просто забросили в кузов.

– Я больше никогда, никогда ее не увижу.

Ханс не мог ничем облегчить его боль, потому что он не умел притворяться.

– Откуда нам знать, – ответил он без особой уверенности.

– Ты не слыхал, какие у них правила в Биркенау?

– А что такое Биркенау? – в свою очередь спросил Ханс.

– Биркенау – это колоссальный лагерь, – отвечал Эли. – То место, куда мы попали, – только малая часть комплекса Освенцим. Так вот, в Биркенау всех стариков и детей в момент приезда приводят в одно огромное помещение и объявляют, что их сейчас поведут в душ. На самом же деле их ведут в газовую камеру и убивают, а тела сжигают в крематории.

– Такого не может быть, во всяком случае, не со всеми, – через силу попытался возразить Ханс.

Но тут принесли баланду. Три огромных котла. Каждому положено было по целому литру. Все встали в длинную очередь. Пара крепких мужиков во главе очереди помогали раздавать еду. Они ели из металлических мисок, шербатов, с обколотой эмалью. Мисок не хватало, так что в каждую наливали сразу по два литра, которые приходилось делить с кем-нибудь на двоих. Им выдали и ложки, но ложек было всего двадцать. Те, кому не хватило ложек, принуждены были пить баланду прямо из мисок, но это было нетрудно. Потому что баланда состояла из одной воды. Какие-то листочки, впрочем, иногда попадались, вызывая оживленные споры: с какого дерева упали эти листики в котел, с вяза или с бука?

Впрочем, и это тоже не имело никакого значения. Большинство из них до сих пор питались неплохо, так что им было все равно, чем наполнить желудки: литром горячей воды или таким же количеством горячей еды. Вдруг процесс остановился:

– Скорее, скорее, сейчас будет *Appel!* ²¹

²¹ Переключка.

Они с утроенной скоростью дохлебали баланду и построились. Их привели в просторный деревянный сарай, расположенный между бараками. Это оказалась прачечная. В одной половине барака можно было в больших котлах постирать вещи, другая половина отводилась для желающих принять душ. Ханс посчитал душевые лейки, их оказалось сто двадцать четыре. В стороне стояли скамьи, на которых, по-видимому, можно было раздеться. Они расселись по скамьям и стали ждать.

Им сказали, что после переключки, которая будет происходить на этот раз снаружи, их отправят дальше, в *Buna*²². Представителя администрации, который говорил с ними, забросали вопросами:

- Что такое Буна?
- А там хорошо?
- И там тоже кормят такой баландой?

На что представитель администрации ответил, что там все нормально. Работать придется на фабрике искусственной резины. Еды достаточно, потому что все они будут приписаны к заводскому производству. И широко улыбнулся.

Но тут Ханс обнаружил, что рядом с ним на скамье оказался бельгиец.

– Ты давно тут? – спросил Ханс.

– Целый год.

– И как? Выжить можно?

– Как когда. Только если повезет и попадешь в хорошую команду.

– А что это значит – «попасть в хорошую команду»?

– Ну, к примеру – на работу в прачечную или в госпиталь. Команды, которые в течение дня остаются в лагере, почти все хорошие. Еще хорошими считаются те команды, которые поближе к еде. Но ты же еврей, так что ты там вряд ли окажешься.

– Я – доктор. Могу я попасть в госпиталь?

– А ты сообщил им, что ты доктор?

– Да, но они, кажется, не обратили на меня внимания. А ты не знаешь, куда повели женщин из нашего эшелона? – Женщин из вашего эшелона привели в этот лагерь. Здесь есть женский барак, там они проходят разные тесты.

Сердце Ханса забило так сильно, что едва не выскочило из груди. Фридель здесь, в лагере! Тесты... Эксперименты! Что бы это могло значить?

Он рассказал бельгийцу о Фридель и спросил, не передаст ли он ей весточку. В конце концов ведь его, Ханса, могут отправить в Буну... Но бельгиец сказал, что передать весточку будет сложно, потому что приближаться к женскому барaku категорически запрещено.

И в этот миг в сарай вошел какой-то эсэсовец. Все мигом вскочили: они начинали понимать местные правила. Эсэсовец спросил:

– Есть среди вас врачи?

Трое шагнули вперед: Ханс, Эли Полак и какой-то незнакомый им юноша.

Эсэсовец спросил, как долго они работали. Юноша оказался фельдшером. Эли был «семейным» врачом в течение десяти лет. Но эсэсовец им не заинтересовался:

– Ты пойдешь с остальными, в Буну.

И забрал с собой только Ханса и юношу.

²² Буна, название одного из отделений лагеря (Освенцим-III).

Глава 6

Эсэсовец провел их по Лагерштрассе через весь лагерь; они шли довольно долго, пока не остановились у Двадцать восьмого барака. В коридоре на нижнем этаже им пришлось подождать. Коридор был бетонный, с белеными стенами. По обе его стороны шли двери, на которых были таблички с надписями по-немецки: *Ambulanz*²³, *Schreibstube*²⁴, *Operationssaal*²⁵, *Hals-Nasen-Ohrenarzt*²⁶, *Röntgenraum*²⁷ – и так далее, на всех дверях – разные надписи. Бетонная лестница посередине коридора вела на второй этаж.

Через несколько минут появился человек в белом костюме. Он повел их в противоположную от входа сторону, к двери, на матовом стекле которой было написано: *Aufnahme*²⁸. За дверью оказалось просторное помещение с высоким потолком, почти наполовину заполненное нарами. На другой половине этого помещения стояло в ряд несколько скамеек, весы и большой стол, заваленный книгами и бумагами. Здесь регистрировали всякого, кто поступал в этот госпиталь: как больных, так и будущий госпитальный персонал.

Их принимал низенький, толстый поляк. Он упрекнул их за то, что на них такая грязная одежда, заставил раздеться догола и улечься в постель. Нары были построены в три этажа, друг над другом. Ханс, догола раздетый, лежал под двумя тонкими одеялами на самом верхнем этаже. Он все время пытался как-нибудь завернуться в одеяло, потому что тюфяк был набит соломой и она кололась сквозь тонкий чехол.

Пока он лежал, какой-то человек вошел в дверь, вскарабкался на верхний этаж нар и улегся рядом с Хансом. Ему было около тридцати, круглое лицо и очки, самодовольно поблескивающие на носу.

– Как тебя зовут? – спросил он. – Ты и правда доктор?

– Конечно. Меня зовут ван Дам, а тебя?

– Меня зовут де Хонд, я здесь уже три недели. На прошлой неделе меня экзаменовал *Lagerarzt*²⁹, он принял меня, и теперь я *Pfleger*³⁰ – но пока в резервном списке.

– Где ты учился? – спросил Ханс.

– В Утрехтском университете, а потом работал в детской больнице.

– А что тебе здесь приходится делать?

– Да все, что велят. Целый день занимаюсь всякой фигней, ну скоро ты и сам увидишь. Грязная работа, то трупы таскать, то еще что-то в этом роде. У тебя что, никакой одежды нет?

Вот как раз с одеждой у Ханса были проблемы. Решить вопрос обещали на следующий день. Де Хонд сказал, что постарается помочь ему.

– Ты что-нибудь знаешь про женский барак? – спросил его Ханс.

– Да, кое-что, – отвечал де Хонд, нервно озираясь. – Это Десятый барак, там у меня жена. Она тоже врач. Она попала туда три недели назад.

Ханс обрадовался, что хотя бы один голландский врач оказался здесь. Он рассказал де Хонду про Фридель и что она тоже должна находиться в Десятом бараке.

²³ Амбулатория (лагерная поликлиника).

²⁴ Комната писаря.

²⁵ Операционная.

²⁶ Врач отоларинголог (лор).

²⁷ Рентгеновский кабинет.

²⁸ Приемное отделение (здесь: для заболевших арестантов либо для временного содержания вновь набранных фельдшеров).

²⁹ Лагерный врач (медик в чине офицера СС); в каждом из отделений Освенцима был свой *Lagerarzt*.

³⁰ Фельдшер или медбрат, термин используется для обозначения любого ассистента, работающего в лагерном госпитале для арестантов. *Pfleger* – не обязательно медик, он часто выполняет работы, не связанные с медициной.

– М-да, – заметил де Хонд, – мы должны попробовать что-то для нее сделать.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь ли, Самюэль, профессор, который там работает, пообещал мне, что над моей женой он не будет проводить эксперименты, потому что она жена врача. Может быть, он и для твоей жены сможет сделать такое же исключение.

– А что они там делают с этими женщинами?

– Лучше будет, если ты сам спросишь об этом профессора Самюэля, он сюда каждый день заходит.

– А могу я повидаться с женой?

– Вот это очень трудно. Если тебя поймают, то посадят в бункер, в Одиннадцатый барак, там у нас – лагерная тюрьма. И тогда считай за счастье, если выйдешь оттуда с двадцатью пятью.

– Что ты хочешь этим сказать – «с двадцатью пятью»?

– Это обычное наказание, двадцать пять ударов ремнем по заднице.

Ханс улыбнулся. Надо сказать честно, он не слишком боялся наказания. И, кроме того, он готов был все отдать ради того, чтобы увидеть Фридель.

Де Хонд пообещал Хансу, что захватит его с собой завтра вечером. Тут время как раз подошло к девяти, и свет погасили.

Но в зале, как ни странно, темнее не стало. Двадцать восьмой барак был последним в ряду, а приемное отделение и вовсе находилось совсем рядом с лагерным забором. Лампочки, присоединенные к проволоке, горели постоянно. Да еще к каждому второму бетонному столбу было прикреплено по мощной лампе. И все, что находилось вблизи от колючей проволоки, было ярко освещено. Фантастическое, впечатляющее зрелище: длинные ряды ярких ламп и красные контрольные лампочки между ними. Их свет озарял огромное помещение приемного отделения и больных, которые лежали на трехэтажных нарах, ожидая завтрашнего дня, когда их наконец покажут лагерному врачу.

Ханс испытывал страх перед этим мертвенным светом, видеть его было мучительно, поэтому он закрыл глаза – но только для того, чтобы через несколько минут снова открыть их и уставиться на яркие лампы.

Свет одновременно пугал и словно бы притягивал его, возвращая к чудовищной реальности. Ханс нервничал, вертелся на постели, стараясь лечь так, чтобы не видеть ламп, но свет преследовал его. Даже укрывшись с головой одеялом, он не мог избавиться от света; казалось, что он проникает сквозь одеяло. Секрет был прост: он находился в *Konzentrationslager*³¹ и только теперь начал осознавать это. Можно, конечно, отвернуться от окна или накрыться с головой одеялом, но осознание того, где он сейчас находится, не могло исчезнуть. О чем бы он ни пытался думать, мысль о лагере доминировала над всем, как свет ламп на ограде, и преследовала его неотступно.

И тут Ханс расплакался. Но это не был тот горький плач, каким плачут потерявшиеся дети, когда не могут найти дорогу домой. Это был беззвучный плач человека, осознавшего необратимость положения, в котором он оказался, плач, вырвавшийся у него от отчаяния, от невозможности ничего изменить. И после этого он совершенно успокоился, хотя и был переполнен печалью.

К счастью, он устал, смертельно устал. Он больше не сдерживал слез, он даже перестал чувствовать, что плачет, и постепенно сознание покинуло его.

³¹ Концентрационный лагерь.

В концентрационных лагерях иногда встречаются люди, которые переживают ежедневно много счастливых часов. Таким даже лампы, светящие прямо в глаза, не мешают радоваться жизни, словно ток выключился, а проволока проржавела и рассыпалась. Дух таких людей настолько силен, что способен, высвободившись из усталого, измученного тела, воспарить в небеса.

Но для всех без исключения, вернее – для каждого арестанта по отдельности, существует свое королевство, куда он вступает по вечерам. Там нет ни эсэсовцев, ни старост бараков, ни капо³². Единственный правитель этого королевства – великое стремление арестанта к счастью, и единственный закон – свобода.

Жизнь идет по кругу, состоящему из двух половинок: от рассветного гонга до вечернего и от вечернего гонга до рассветного. И когда звучит рассветный гонг, рай заканчивается: реальность оживает и заключает свободный дух в темницу.

³² Капо – привилегированный арестант в лагерях Третьего рейха, надзирающий за другими арестантами.

Глава 7

Примерно через полчаса после утреннего гонга появились первые пациенты. Со своего места на верхотуре Хансу удобно было наблюдать за кишачей внизу жизнью.

Мужчины раздевались за дверью, сворачивали одежду в узел так, чтобы был виден номер, и входили в барак обнаженными. Потом их отправляли мыться в душевую, потом писали на груди номер, – чтобы лагерный врач сразу видел, с кем он имеет дело.

Из душевой пациенты возвращались в приемное отделение, где писарь записывал каждого и ставил в очередь. Таких пациентов набралось уже человек шестьдесят. К семи часам все они были помыты и зарегистрированы, но лагерный врач должен был появиться не раньше десяти. Впрочем, на длительное ожидание никто не жаловался – большинство арестантов считало счастьем, когда им удавалось пропустить хотя бы один рабочий день: многих довели до такого ужасного состояния, что у них уже не хватало сил даже на то, чтобы жаловаться. Кроме того, здесь они могли спокойно сидеть на нескольких находившихся в зале скамейках, и никто из присутствующих не обращал на них никакого внимания. У кого-то, наверное, была температура, а кто-то страдал от боли, но ни один фельдшер или врач даже не пытался им помочь, потому что только лагерный врач после осмотра мог решить, что с ними делать.

В половине десятого Ханс и ван Лиир, фельдшер, решили, что пора вставать. Потому что лагерному врачу предстояло решить и их судьбу. Было несколько странно оказаться перед своим будущим начальством в обнаженном виде, но, с другой стороны, отсутствие одежды выглядело ничем не хуже, чем вонючие лохмотья, которые им выдали на лагерном складе. И тут они услышали, как в коридоре объявили: *Arztvormelder antreten!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.